

²⁶ Gagé J. Les classes sociales... – P. 309.

²⁷ Garnsey P., Saller R. The Roman Empire. – London; Duckworth. – 1987. – P. 115.

²⁸ Ростовцев М. И. Общество и хозяйство Римской империи. – СПб., 2000. – Т. 1. – С. 165.

Резюме

Акімов О. Б. Про торгово-ремісниче населення римської Дакії

У статті здійснюється спроба розглянути становище торгово-ремісничого населення провінції Дакія. На підставі епіграфічних даних автор доходить висновку про досить активний розвиток у Дакії ремесла і торгівлі. Але, незважаючи на це, торгово-ремісниче населення провінції мало середній статок. Це було однією з причин, що змушували торговців і ремісників об'єднуватися в колегії, які підтримували взаємовигідний зв'язок із найвпливовішими людьми провінції. Участь у колегіях давала реміснику змогу відчутти причетність до громадського життя провінції. Саме колегії, а не окремі ремісники та торговці, грали певну роль не тільки в економічному, але й в політичному житті Дакії.

Голубкин Ю. А.

"УЧИТЬ, РАДОВАТЬ И ПРИВОДИТЬ В ДВИЖЕНИЕ СЕРДЦЕ" ("ЗАСТОЛЬНЫЕ РЕЧИ" МАРТИНА ЛЮТЕРА)

"Застольные речи" выдающегося реформатора Мартина Лютера оцениваются в западноевропейской исторической и теологической литературе неоднозначно. В советской историографии они почти не упоминались. Впрочем, и постсоветская историография не уделяет им того внимания, которое они заслуживают. Цель нашей статьи заключается в том, чтобы проследить историю создания и публикаций "Застольных речей", дать общую характеристику их содержания и оценить их значение как исторического источника.

"Застольные речи" не были бы произнесены и опубликованы, если бы Лютер 13 июня 1525 г. не обрuchился с бывшей монахиней

цистерианского ордена Екатериной фон Бора. Этот брак стал возможен потому, что реформационное движение 1521 - 1524 гг. в Виттенберге положило начало массовому бегству монахов и монахинь из монастырей во многих землях Германии. Виттенбергский августинский монастырь, монахом которого был Лютер, постепенно приходил в запустение. В 1525 г. его покинули последние насельники: приор Эберхард Брисгер и управляющий монастырским имуществом Бруно Бауэр. Курфюрст Саксонский Иоганн Постоянный подарил здание монастыря Лютеру. Оно и стало жилищем семьи Лютеров. Через несколько лет бывший монастырь напоминал муравейник или пчелиный улей. В нем жило около 40 человек. В число его обитателей прежде всего входили супруги Лютеры, их дети, многочисленные родственники, учителя детей и слуги. В нем находили временный приют беглые монахи и монахини и преследуемые властями священники, а также теологи, которые стремились послушать лекции в Виттенбергском университете. В гостях у знаменитого реформатора часто бывали его коллеги, заезжие ученые, княжеские чиновники, бюргеры. Кроме того, в соответствии с университетскими обычаями того времени, в домах профессоров, в том числе и в доме Лютера, за умеренную плату проживали и столовались студенты. Всем хозяйством в семье Лютера ведала его супруга Екатерина, которая оказалась способной домоправительницей.

Обитатели дома и гости собирались за обеденным столом в предвечернее время. Автор жизнеописания Лютера в 17 проповедях Иоганн Маттезий в 12-й проповеди своего труда¹ живо изобразил обстановку, в которой проходили эти обеды. Иногда бывало так, что за обеденным столом Лютер, погруженный в глубокие раздумья либо отягощенный многими заботами, не произносил ни слова. В такие дни обед проходил в полном молчании, как в монастырской трапезной. Но чаще реформатор, усевшись за стол, обращался к присутствующим с вопросом: "Что слышно нового?" Это первое приглашение к разговору почти всегда оставалось безответным. Тогда Лютер подбадривал собравшихся за столом: "Так что же нового у нас, прелаты?" После этих слов разговор начинали старшие из присутствующих, а затем к нему подключались и все остальные. Иногда тему разговора предлагал сам хозяин дома.

Монологи Лютера временами были довольно продолжительными. Разумеется, в такие моменты собравшиеся за столом с неослабевающим вниманием следили за ходом мыслей своего кумира.

Таким образом, застольные речи Лютера – это не публичные, заранее подготовленные выступления на какую-то определенную тему и даже не те речи, которые произносились участниками вегетарианских застолий в репинских "Пенатах", а высказывания по самым разным темам, которые спонтанно возникали в ходе разговоров. Примечательно, что в собрании Антона Лаутербаха эти материалы озаглавлены следующим образом: "Беседы, размышления, наблюдения, утешения, суждения, изречения, ответы, шутки господина доктора Мартина Лютера, а [также его] благочестивые воспоминания, которые были услышаны за столом во время трапез и во время поездок и точно воспроизведены"².

В отличие от бесед Гете с Эккерманом застольные речи Лютера произносились отнюдь не для того, чтобы их записывали и публиковали. Но в любом своем выступлении Лютер придерживался правила, которое он сформулировал в своих ранних лекциях о Псалмах: "Троякого ожидают от оратора: его речь должна учить, радовать и приводить в движение сердце"³. И поэтому, вполне естественно, некоторые из собеседников Лютера, стремясь сохранить в памяти те или иные его высказывания, стали записывать их.

Помощник Лютера Вейт Дитрих, который в 1527 - 1534 гг. жил в его доме, утверждал, что он начал вести записи застольных бесед в 1529 г. Известный исследователь Гельмар Юнгханс предполагает, что с этого же или даже более раннего времени застольные беседы записывал священник из Цвиккау Конрад Кордатус⁴. Но точно установленным фактом считается то, что Конрад Кордатус стал регулярно, а не от случая к случаю вести записи застольных бесед в доме Лютера, начиная с 1531 г. Вскоре его примеру стали следовать и некоторые другие участники трапез. Такие записи велись до 1546 г., т. е. на протяжении последних 15 лет жизни Лютера. Наиболее известными из тех собеседников реформатора, которые записывали содержание застольных разговоров, кроме Вейта Дитриха и Конрада Кордатуса, были Иоганн Шлагинхауфен, Николай Медлер,

Антон Лаутербах, Иероним Веллер, Иоганн Маттезий, Каспар Хайденрайх, Иероним Безольд, Георг Рёерер, Иоганн Аурифабер. Разумеется, тех, кто делал записи, в первую очередь интересовали высказывания самого Лютера. Остальные участники бесед представляли в этих заметках как статисты, которые от случая к случаю задавали вопросы и вставляли свои реплики.

Лютер обладал редчайшим качеством – полным отсутствием авторского честолюбия. При этом он исходил из того, что все в земном мире тленно. "Останется единственно слово Божие, – утверждал он в лекции о книге Исаяи. – А все, сущее сверх и кроме слова Божьего, преидет подобно тому, как увядает цветок в поле"⁵. Безо всякой ложной скромности Лютер считал себя лишь возвестителем, проповедником слова Божьего. "Единственно Библия, – писал он, – является истинным господином и мастером, превосходящим все сочинения и учения на земле"⁶. Поэтому представляется несколько странным, что реформатор снисходительно отнесся к записыванию застольных бесед. Возможно, при этом он руководствовался теми соображениями, которые были изложены им в сочинении "К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы". "О, как много поучительных историй и изречений, которые относятся к прошлому и настоящему немецких земель и о которых мы почти ничего не знаем, следовало бы обнародовать! – восклицал в нем Лютер. – Но это затрудняется тем, что не находится никого, кто описал бы это... Потому-то о нас, немцах, ничего не знают в других странах, вследствие чего во всем мире нас называют немецкими тварями, которые ни на что неспособны, кроме войны, обжорства и пьянства"⁷. Но Екатерина фон Бора придерживалась другого мнения относительно записывания высказываний своего знаменитого супруга. Однажды она возмутилась: "Господин доктор, не учите их безвозмездно. Они сразу же все записывают!" Лютер "успокоил" ее. "Я, – сказал он, – 30 лет учил и проповедовал бесплатно. Почему же сейчас я, старый и дряхлый, должен начинать торговать этим?"⁸.

Первым редактором "Застольных речей" был Антон Лаутербах, который упорядочил по отдельным темам не только свои записи, а и записи своих предшественников. При этом он многократно

перерабатывал тексты. Следующим редактором рассматриваемых источников стал Иоганн Аурифабер (Гольдшмидт), который в 1545 - 1546 гг. был ближайшим помощником Лютера и почти неотлучно находился при нем. Иоганн Аурифабер собрал все доступные ему записи лютеровских застольных бесед, сгруппировал высказывания реформатора по 80 темам и перевел латиноязычные тексты на немецкий язык. Так же, как и его предшественник, он при редактировании, стремясь сделать воспроизводимые материалы более доступными для массового читателя, вносил в них собственные добавления. За это его не раз, вполне справедливо, критиковали исследователи⁹. Но не следует забывать о том, что Иоганн Аурифабер был страстным собирателем и издателем рукописного наследия Лютера. Начало этому было положено в 1546 г., когда Иоганн Аурифабер опубликовал последние четыре проповеди Лютера. Затем, вместе с Георгом Рёером (до его смерти в 1557 г.) и Иоганном Штольцем, он осуществлял Йенское издание сочинений реформатора в 12 томах (1555 – 1558 гг.). Но оно осталось незавершенным. Неумолимо Иоганну Аурифаберу удалось в качестве дополнения к нему опубликовать в 1564 – 1565 гг. в Эйслебене два тома немецкоязычных сочинений и проповедей Лютера 1516 - 1538 гг., а в 1566 г. – второй том его латиноязычных писем (до 1528 г.).

В 1566 г. он опубликовал сборник под названием: "Застольные речи и беседы доктора М. Лютера" /"Tischreden und Colloquia Dr. M. Lutheri"/. Этой публикации были предпосланы слова Христа, которые были адресованы Его ученикам после насыщения 5000 человек пятью хлебами и двумя рыбками: "Соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало" (Ин. 6, 12)¹⁰. Эта публикация Иоганна Аурифабера пользовалась большой популярностью и выдержала более 20 изданий¹¹. На протяжении почти трех с половиной столетий читатели имели возможность знакомиться с "Застольными речами" Лютера лишь в редакции Иоганна Аурифабера.

Новая редакция "Застольных речей", предпринятая директором лейпцигского архива Эрнстом Крокером, была осуществлена лишь в 1912 - 1921 гг. для критического Веймарского собрания сочинений Лютера (издается с 1883 г., не закончено до настоящего

времени). В шести внушительных томах (ин-фолио) этого издания было опубликовано 7075 "Застольных речей". При их классификации Эрнст Крокер, вполне обоснованно, отказался от тематического принципа, который лежал в основе издания Иоганна Аурифабера, и упорядочил материалы в соответствии с персоналиями и хронологией, т. е. с тем – кто и в какие годы записывал "Застольные речи", и с тем – кто собирал и редактировал их. Так, например, под номерами 1 – 656 значатся "Застольные речи", записанные Вейтом Дитрихом, под номерами 657 – 684 – Николаем Медлером и т. д. Всего в "Веймариане" числится 28 таких источников. Последними, под номерами 6508– 7075 в этом издании помещены "Застольные речи" из собрания Иоганна Аурифабера. Эрнст Крокер выделял три главных "семьи" записей "Застольных речей". Первая, старейшая из них, включает в себя записи, которые велись в 1529 - 1533 гг. Ко второй, "средней семье", Эрнст Крокер относил записи 1534 - 1539 гг. И, наконец, к третьей, "младшей семье", издатель отнес записи, которые велись в 1540 - 1546 гг.

В литературе не раз высказывалось мнение о необходимости осторожного, осмотрительного подхода к "Застольным речам" как к историческому источнику. И действительно, мы не должны забывать о том, что некоторые записи и собрания "Застольных речей", которые легли в основу их публикаций, не сохранились. Нужно также учитывать то, что застольные беседы велись на двух языках: немецком и латинском. Но в записи иногда немецкая речь передавалась на латыни, а латинская – на немецком. Далее, поскольку стенографии как упорядоченной системы скорописи во времена Лютера еще не было, записи застольных бесед не могли быть дословными. Кроме того, на воссоздании содержания обсуждавшихся за столом тем неизбежно сказывались особенности восприятия тех, кто их записывал. Кто-то отвлекался во время беседы, кому-то не совсем был понятен смысл тех или иных высказываний, иногда то, что одному казалось важным, другим не учитывалось. Конечно же, добиться абсолютной полноты и точности воспроизведения застольных речей не удавалось никому. Наконец, при редактировании заметок в текст часто вносились произвольные изменения и дополнения. Сам Лютер записи

застольных бесед не читал и не редактировал. Но вместе с тем следует отметить, что записи застольных бесед вели не поверхностно рассуждающие обо всем на свете салонные шаркуны, а всесторонне образованные люди, которые либо были, либо после того, как они покинули дом Лютера, стали пасторами, суперинтендентами, университетскими преподавателями. Некоторые из них, особенно Георг Рёер, Вейт Дитрих и Каспар Круцигер, готовили сочинения, проповеди, лекции "позднего" Лютера к печати.

Уже упоминавшийся нами Конрад Кордатус утверждал, что застольные речи Лютера следует оценивать выше, чем пророчества оракула Аполлона¹². Конечно, в этом утверждении есть доля преувеличения. Но вместе с тем нам представляется несомненным то, что "Застольные речи" – поистине неисчерпаемый источник и для биографов Лютера, и для историков Реформации, и для исследователей повседневной жизни и менталитета немецкого общества XVI в. Многие внешние события жизни Лютера, его духовный мир, напряженную идейно-политическую борьбу сторонников и противников Реформации, наконец, весь строй жизни людей той эпохи невозможно представить во всей полноте без запечатленных в "Застольных речах" этюдов, фрагментов и штрихов.

Интерес биографов выдающегося реформатора вызывают прежде всего его воспоминания о родителях, детских и школьных годах, учебе в университете, вступлении в монастырь и жизни в нем, кратковременном пребывании в Риме, начале преподавательской деятельности в Виттенбергском университете. Безусловно, при оценке этих воспоминаний следует учитывать то, что "старый" Лютер был не совсем в ладах с хронологией и не всегда точно датировал то или иное событие. Нужно также считаться с такой особенностью людей пожилого возраста: одни из них всячески идеализируют свое прошлое, другие же, напротив, всячески подчеркивают трудности и испытания, которые выпали на их долю в молодости. Если оценивать под этим углом зрения воспоминания Лютера, то следует отметить, что он относился ко второму разряду мемуаристов преклонных лет.

Но сколь бы ни были важны воспоминания Лютера о внешних вехах его ранней биографии, исследователей гораздо больше интересует его духовное развитие, которое увенчалось учением об оправдании верой. Содержащиеся в "Застольных речах" свидетельства Лютера о восприятии им в молодые годы сочинений Августина, Аристотеля, Петра Ломбардского, Пьера д'Альи, Габриэля Биля, Вильяма Оккама, мистиков позволяют в определенной степени удовлетворить этот интерес. В "Застольных речах" также содержатся материалы, свидетельствующие о мучительной борьбе Лютера за духовное совершенство ради обретения Небесного спасения. "Застольные речи" позволяют понять, что так называемые "искушения" ("Anfechtungen") Лютера были не только "укусами совести" и "теснением духа", а и сосредоточенным, скрупулезным исследованием мыслей, дел и чувств, посредством чего достигалось понимание и знание. Мы не должны забывать о том, что основные источники, которые позволяют судить о духовном развитии Лютера до 1517 г., т. е. до его выступления с "95 тезисами", были открыты только в последней трети XIX – начале XX вв. (в 1874 г. – лютеровские лекции о Псалмах, относящиеся к 1513 - 1515 гг.; в 1899 г. – лекции 1515 – 1516 гг. о Послании к римлянам; в 1918 г. – конспект лекций 1516 – 1517 гг. о Послании к галатам; в 1929 г. – конспект лекций 1517 – 1518 гг. о Послании к евреям). До этого времени суждения исследователей о духовных исканиях "юного" Лютера базировались главным образом на "Застольных речах". Да и в наши дни в спорах о т. наз. лютеровском "озарении в башне" ("Turmerlebnis"), "реформаторском прорыве" ("reformatorischen Durchbruch"), "реформаторском повороте" ("reformatorischen Wende") исследователи постоянно ссылаются на "Застольные речи".

Таким образом, при освещении биографии Лютера до 1517 г. "Застольные речи" являются одними из немногих, а в некоторых случаях – единственными источниками, которыми располагают исследователи. В то же время для характеристики истории Реформации и реформаторской деятельности Лютера в распоряжении исследователей имеется поистине необозримый массив повествовательных и документальных источников. Поэтому в таких случаях "Застольные речи" могут привлекаться как

вспомогательные источники. Но при этом нужно постоянно держать в поле зрения то, что ожесточенная идейная борьба, разгоревшаяся в ходе Реформации, обусловила крайнюю тенденциозность оценок и характеристик своих противников и в католическом лагере, и в стане приверженцев Реформации, что не могло не отразиться на соответствующих материалах "Застольных речей". Эта тенденциозность прослеживается и в оценке Лютером римских пап, папской курии, римско-католических епископов и теологов, и в характеристике им тех реформаторов, которые разошлись с ним в понимании задач, целей и методов осуществления Реформации – Карлштадта, Мюнцера, Цвингли, Эколомпада, Агриколы. Откровенной враждебностью проникнуты отзывы Лютера о Крестьянской войне и анабаптистах ("крестителях"). Но у нас нет оснований для утверждения о сознательном искажении учения Лютера теми, кто редактировал и готовил "Застольные речи" к изданию. Наоборот! Если Филипп Меланхтон и его единомышленники (филипписты) после неудачной для протестантов Шмалькальденской войны 1546 - 1547 гг. допускали возможность компромисса с Римско-Католической Церковью, то гнезюлютеране, к которым относились Иоганн Аурифабер и Георг Рёпер, боролись против малейших отступлений от идей Лютера.

Одной из главных задач авторов средневековых жизнеописаний было моральное наставление читателей с помощью примеров (зачастую выдуманных) добродетельной жизни изображаемых правителей, полководцев, религиозных деятелей. В "Застольных речах" нет даже намек на такую установку. Лютер представлен в них не в помпезном облачении непогрешимого "пророка Божьего", а в своем повседневном одеянии – как человек, которому свойственны заблуждения, искушения и падения. И это, помимо всего прочего, позволяет судить о мировосприятии, страхах, надеждах, радостях и печалях людей переходной эпохи, в душах которых боролось то, что возникало, и то, что неминуемо должно было исчезнуть.

Наконец, следует отметить несомненные литературные достоинства "Застольных речей". Они – та часть лютеровского

наследия, которая вплоть до наших дней продолжает "учить, радовать и приводит в движение сердце".

Примечания

¹ *Mathesius Johann*. D. Martin Luthers Leben in siebzehn Predigten/ Hrsg. von Lic. Dr. Georg Buchwald. – Leipzig, (o. J.).

² *Цит.* по: Dienst Karl. Martin Luther als Tischredner // Luther, 1999. – Н. 3. – S. 146.

³ WA. – Bd. 4. – S. 284.

⁴ *Junghans Helmar*. Luther in Wittenberg // Leben und Werk Martin Luthers von 1526 bis 1546. – Bd. 1. – Göttingen, 1983. – S. 18.

⁵ WA. – Bd. 25. –S. 254.

⁶ WA. – Bd. 7. –S. 317.

⁷ *Лютер Мартин*. К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы // Мартин Лютер. Время молчания прошло. Избранные произведения 1520 – 1526 гг. / Пер. с немецкого, историко-биографический очерк и комментарии Ю. А. Голубкина. – Харьков, 1992. – С. 177.

⁸ WA TR. – Nr. 2068.

⁹ *См.*: Fausel. Heinrich. Vorwort // Heinrich Fausel. D. Martin Luther. Leben und Werk: 1483 bis 1521. – Gütersloh, 1983. – S. 6.

¹⁰ *См.*: Aland Kurt. Einführung // Luther Deutsch. – Bd. 9: Die Tischreden. –Göttingen, 1983. – S. 753.

¹¹ *Junghans Helmar*. Aurifaber, Johannes // TRE. – Bd. IV. – Berlin-New York, 1979. – S. 753.

¹² WA TR. – Nr. 2068.

Резюме

Голубкін Ю. О. «Учити, приносити радість і пробуджувати серце («Застільні промови» Мартіна Лютера)

У "Застільних промовах" Лютера міститься неоцінний матеріал, який цікавий не тільки біографам реформатора, а й широким колам читачів. Багато тем, що відображені в цих джерелах, не порушуються в інших творах Лютера.